

Глава 1

Темные всегда ходят первыми и выигрывают. Мы об этом знали. Но все равно ползли по присыпанной весенним снежком траве к светлому будущему в виде конца полосы препятствий.

Стадион радостно ревел. Горожане, которых ректор заманил обещанием зрелища, требовали зрелища вместо стайки плетущихся к цели студентов. Адепты Высшей школы бытовой и прикладной магии поддерживали нас бодрым свистом и воплями, радуясь, что это не они сейчас лежат под сеткой.

А мы, четверка счастливиц, три девушки и один парень-заучка, не успевшие сбежать от ректора, продолжали осваивать новую и неизвестную ранее нам профессию доморощенного разведчика.

Вокруг наших распластанных под сеткой тел вился целый рой магических линз, сияющих солнечными бликами. В небе, над чашей стадиона, маячила проекция, показывающая происходящее на полосе препятствий во всех красках и оттенках.

Оттенки были преимущественно серые, цвета грязи на арене. Моя шевелюра, каштановые волосы с тонкими синими прядями на концах, почему-то особенно понравилась репортерам. На проекции снова мелькнуло мое лицо, голубые глаза на сером фоне смотрелись на удивление сочно. И опять появился мой затылок.

— Давай руку! — Перед моим испачканным носом появилась мужская ладонь.

Оторвавшись от созерцания своего позорного ползания на небесном экране, я с удивлением заметила, что наши противники, четыре темных... тeneвых боевых мага, не торопятся пересекать финишную прямую. А вытаскивают из-под сетки моих товарищей.

Руководил ими русоволосый тeneвик, волосы которого были стянуты на затылке в короткий хвост, а на зеленой куртке не имелось ни одного пятна, словно он не полз по полосе препятствий до нас, а гулял по стерильной лаборатории.

В васильковых глазах плескался смех, на подбородке у тeneвика была ямка. Но только она ничуть не смягчала его облик. Парень был высоким, гибким и чем-то напоминал змея.

Вцепившись в его руку, я выползла из-под сетки. С завистью покосилась на его чистую куртку. Цвет нашей команды, светло-коричневый, канул под слоем не очень лечебной грязи со стадиона.

— Не бойся, не съем. — Тeneвик легко коснулся пальцем синей пряжи у моего лица, покосился на трибуну, занятую нашим курсом. Темные брови вопросительно дрогнули.

Легкой полосатостью прически щеголяла не только я. Однокурсники, главные трибунные соловьи, также имели разную степень покраса во все оттенки синего.

— Командный дух! — буркнула я, пытаясь ладонью стереть со щеки незапланированную грязевую маску.

Именно из-за повышенной пестроты я не узнала, что ректор не собрал команду и открыл сезон охоты на студентов. Хорошая у моих однокурсников память...

А я ничуть не виновата, между прочим!

Преподаватель курса производственных заклинаний сам предложил поставить отлично всему курсу, если хоть кто-то разберется с испорченным артефактом для покраски тканей. Я разобралась. Мне не поверили. И потребовали проверить. Я сразу предупредила находящихся в лекционном зале, что проводить демонстрации и тем более следить за ней лучше, надев специальный костюм. Ну или из-под стола. Мне снова не поверили. Результат недоверия одногруппни-

ков и упрямства преподавателя: отлично покрашенный потолок аудитории и головы всех, кто там был, включая нашего упертого поводыря на пути науки.

В итоге наш курс внезапно стал лучшим по успеваемости по производственным заклинаниям. И самым приметным в том плане, что краски в артефакте оказались повышенной стойкости. Бриться и носить парики никто не стал, общаться со мной тоже.

Я не сильно расстроилась.

Как оказалось, зря.

— Господа адепты, немедленно прекратите нарушать правила! — разнесся над стадионом усиленный магией голос судьи.

— Уже прекратили! — Теневик демонстративно поднял руки и даже отступил от меня.

А потом прогулочным шагом направился к деревянной лестнице, стремящейся к сизым облакам. Последнему препятствию на пути к финишу. Препятствию, которое его команда уже преодолела. Дважды. Первый раз, когда оторвалась от нас, буйных черепашек на прогулке, и второй — когда под руководством русоволосого теневика решила вытаскать нас из-под сетки.

Неужели третий раз полезут?

— Держись левее. — Русоволосый теневик обернулся ко мне, хитро улыбнулся и запрыгнул на лестницу. — Удачи, мышка!

— Удачи, змей, — не осталась я в долгу.

Пара секунд — и наши противники уже были по ту сторону препятствия. Но финишную черту пересекать не спешили. Словно знали, что ректор, выдвигая нас в ряды команды, выдвинул «чуждое» в своей простоте требование: стоять до последнего адепта. Или сдавать уже сданную сессию до следующей весны. Потому как ректор имеет полное право усомниться в выставленных оценках.

А все потому, что раньше Высшая школа бытовой и прикладной магии ни разу не попадала в Императорские маги-

ческие игры. Их победители получали награду лично из рук императора и могли обратиться к нему с одной просьбой.

Это великая честь...

Но школа не просто не попадала. Даже стадию подачи документов на участие не проходила! А тут вдруг невероятное везение: нас приняли в отборочный тур.

Правда, на этом везение и закончилось.

Нашими первыми противниками были адепты Института теневой и боевой магии. Те самые, что пять раз побеждали в Императорских магических играх.

Неудивительно, что желающих повоевать за имя школы не нашлось. Нас бодро выловил ректор, пройдясь по спискам студентов, коридорам, кладовкам и подсобкам. Меня отыскивали в столовой, я как раз хотела отметить пирожком закрытие сессии. А пришлось отмечать начало собственной деятельности на благо школы. Меня приволокли на арену последней, после представления команд. Чуть позже на трибуны просочился весь мой курс. Но мне это никак не могло помочь: господин Крам, он же ректор, лично записал меня на место участницы, подхватившей редкую простуду левой пятки и озарение первого центра хитрости в голове.

Итог: три девицы и один зубрила-парень выступили дружным фронтом. Мысленно проклиная ректора и его методы. Выступили против темных боевых магов.

Страшный сон и для нас, и для них. Потому что бытовая и прикладная магия — не то, чем можно воевать. А теневикам непонятно, что делать, чтобы случайно не уменьшить наше количество и не загреметь в тюрьму.

И теневики нашли выход: решили нам помочь.

— Адепты Института теневой и боевой магии — два штрафных балла! — прогудел судья. — Высшая школа, вы долго будете стоять у стены? Вы сюда не на митинг вышли!

Мы нестройно ответили: «Нет!» И поползли вверх по лестнице. Свалились с другой стороны и под редкие хлопки переступили финишную линию вслед за теневиками.

Судья торопливо объявил о победе теневиков и о начале перерыва перед вторым этапом соревнований. На нем нам предстояло показать, как мы работаем в команде.

Наша «команда» расплзлась отчищаться от лечебной грязи стадиона под радостный голос ректора, усиленный магией. Господин Крам решил воспользоваться тем, что на трибунах, кроме горожан, сидят почти все адепты нашей школы, и напомнил, что «хвостатым» студентам в их рядах не место, и он вот-вот подпишет приказ на отчисление, один на всех, чтобы не тратить свое драгоценное время. После этого бодрого вступления он перешел к сладкому: к программе обмена студентами.

Из-за этой программы, внезапно свалившейся на нашу школу вслед за участием в Играх, у нас резко возросло количество состоятельных адептов. Из тех, кто не мог поступить в Институт теневой магии напрямую и решил попасть туда обходным путем, через нашу школу. Ректор с удовольствием их принимал и вписывал в список обменных студентов за умеренную плату. Без платы попасть туда можно было лишь чудом. Или прославив имя школы. Но пока никто славить его не спешил. Где боевая магия и где наши вполне безобидные бытовые заклинания?

Оставив на очистителях в уборной грязь и часть краски с ткани куртки, я вышла в тамбур под трибунами.

— Эй, Леннет, там тебя отец ждет! — выпалил однокурсник, пробежавший мимо, махнув рукой в сторону коридора, ведущего к выходу со стадиона.

Папа тут?

Взволнованно пригладив волосы, я заспешила по коридору.

Господин Леннет был весьма занятым человеком. Его чаще видели партнеры по торговле тканями, директора его пяти фабрик по их же производству, чем домашние. Мама, домоседка на все сто пятьдесят процентов, была в полном восторге от такого положения вещей. Мой старший брат — тоже. Он стал точной копией отца и к двадцати годам успел

дорости до должности его помощника. Младшая сестра вообще такими вещами не заморачивалась. Милая и непоседливая Ненси напоминала беззаботную бабочку.

А я... Я была как бы приложением к брату. Случайным. Мы с ним близнецы.

Все, что от меня требовали, — не позорить имя отца. Чем я занимаюсь, чего достигла, принималось родными с равнодушной улыбкой.

И тут вдруг папа пришел. Без предварительного письма с приглашением на встречу. Не связался по линзе, чтобы сэкономить драгоценное время. Да он даже на день рождения, который был месяц назад, прислал курьера с подарком и поздравительной открыткой!

Коренастая фигура отца маячила в паре шагов от входа. Рыжие волосы пламенели над пушистым воротником пальто.

— У меня серьезный разговор, Мартина. — Отец стряхнул с усов снежинки, подхватил меня под локоть и отвел в глубь тамбура.

— А у меня соревнования, — напомнила я.

— Это ненадолго. — Он вытащил из кармана прозрачную пирамиду, записывающий артефакт, и вручил мне.

Отец любил записывать пояснения. Так ему было проще. Сказал суть, остальное посмотришь сама.

Я спрятала ее в карман куртки.

— В чем дело, пап?

Отец вынул диск с синими каплями кристаллов на поверхности и активировал защитную пленку, скрывающую разговоры от желающих подслушать.

— Ты никогда не задумывалась, почему, если второй ребенок наследника нашего рода — дочь, то она всегда ведет уединенную жизнь? — Рыжие кустистые брови отца сошлись на переносице.

Я пожала плечами. Не задумывалась. Честно говоря, дочерей, которые были вторыми детьми, у наследников нашего рода раз-два и обчелся.

— В нашей семье не просто так избегают рождения вторых детей-девочек. Все дело в семейном проклятии. — В голубых глазах отца промелькнуло что-то смутно напоминающее сожаление. — Ты второй ребенок, Мартина, и ты девочка. Мы очень надеялись, что ты родишься первой. Но ты вторая. И ты его унаследовала. Это проклятие заставляет всех, кто с тобой рядом, говорить правду. Первые признаки проклятия начнут проявляться через тридцать четыре дня после твоего совершеннолетия.

Совершеннолетия? Двадцать лет мне исполнилось месяц назад... или больше? Или все же немного меньше?

— ...Сила проклятия будет расти, — совершенно будничным тоном продолжал отец, пока я пыталась подсчитать дни. — Через месяц, в лучшем случае — три, ты не сможешь находиться рядом ни с одним человеком.

— Почему? — Новости о проклятии категорически не желали укладываться в голове. — Что плохого в правде?

— Правда не всегда нужна, — уклончиво ответил отец. Показал на карман моей куртки, намекая, что подробности там. — Приготовься, в конце месяца ты переведешься на домашнее обучение. Переедешь в тихий уединенный домик, где получишь все, что нужно для нормальной жизни.

Все, кроме жизни.

Я подавилась смешком. Вот всегда так! Где надо рыдать, меня на смех тянет.

— И все? Домик — и все? — Я справилась с рвущимся наружу хохотом.

Прощай еще год учебы в школе и диплом? Хотя нет, не прощай — да здравствует домашнее обучение! И домик! Ну а что, четыре года очно поучилась, побегала на свободе, пора в клетку... Домик.

— А как насчет того, чтобы найти способ снять проклятие? Хотя бы попробовать? — В мыслях мелькали сотни догадок и предположений.

— Все, что можно, перепробовали до тебя, — сухо отрезал отец. — И проклятие все еще с нами. Делай вывод.

Делаю. Им все равно, что будет со мной. И это обидно!

— Я никуда не перееду и школу тоже не брошу, — ответила я тихо.

— Мартина, это глупо, — поморщился отец. — Видимо, мы зря давали тебе столько свободы. Надо было быть строже. Если откажешься, останешься без денег на карманные расходы.

Я все же хихикнула. Прижав пальцы к губам, с грустью посмотрела на раздраженного отца:

— Пап, не хочу тебя расстраивать, но я уже год работаю помощницей в лавке бытовых артефактов и твои деньги не трачу. С тех пор, как съехала от вас.

Тогда мы сильно поспорили с братом — Бернارد доказывал, что мне не нужно учиться в высшей школе. Что раз магия во мне не особо полезного для семьи направления, лучше взять пример с младшей сестрички и жить в свое удовольствие, на чужом обеспечении. Себя я все равно не смогу обеспечить.

Я смогла. И отец даже покивал, когда я сказала ему, что выиграла у брата спор... Но меня никто не слушал.

— Это не решит твою проблему, — непробиваемо заявил отец. — Внимательно просмотри запись. Выбирай любое место, в любой части Фридохльма, вдалеке от крупных городов. Мы купим тебе дом и обеспечим всем необходимым. Выбери внимательно, там тебе жить.

И господин Леннет развернулся на каблуках и удалился.

А я побрела в сторону арены. Что делать? Как избавиться от проклятия? Вопросы, вопросы...

Под потолком коридора эхо насмешливо повторяло усиленную магией речь ректора. Господин Крам был безумно рад, что школе выпала честь сразиться с чемпионами. И еще более рад, что нас включили в программу обмена. Интересно, сколько раз до конца соревнования мы это услышим?

Величайшая честь и великая радость...

Я споткнулась на ровном месте. Честь и радость! А ведь радость не только для ректора и его кармана! Наша школа

меняется адептами с институтом, побеждавшим пять раз! А победителей Императорских игр награждает лично император, и во время церемонии к нему можно обратиться с одной просьбой. И именно на него работают лучшие проклятийники! Настолько лучшие, что никто точно не знает, сколько их в свите короля.

В голове тут же сложилась схема: перевод, вступить в команду, оказаться среди победителей. Дело за малым: попасть в программу обмена. Моего заработка в лавке хватало на комфортное существование. Но привычка откладывать на черный день у меня не появилась, а моего месячного жалования точно недостаточно на запись ректора в списках обменных студентов. Отец денег не даст. Мама его поддержит. Брат... Нет, слушать в его исполнении папу я точно не хочу. А Ненси... Расходы сестры контролирует отец.

Вариант один: надо славить имя школы. Чтобы у ректора не было выхода, кроме как вручить мне документы на перевод. Осталось понять, как это сделать.

Я дотопала до выхода на поле, рядом с ним толпилась моя команда. Вытянув шею, они разглядывали арену. Там вместо полосы препятствий устанавливали две деревянные пирамиды с плоской вершиной, друг напротив друга, на противоположных концах поля. На этих подставках будут размещены реликвии. У каждой команды своя.

Реликвии выбирал император. От обычных безделушек до редкостей. В случае победы одну из них могли подарить лучшему игроку.

Правила командной части соревнования просты: защитить свою реликвию и отвоевать чужую. Только с «отвоевать» проблема: если на первом этапе соревнований запрещено использовать магию, во втором — пользуйся сколько влезет. Единственное условие: никаких смертельных заклинаний. За такое игрок вылетит из команды, а сама команда получит штрафные баллы.

— Нас раскатают, — хмуро пробурчал паренек в висящей мешком куртке, кажется, первокурсник-бытовик.

— Зато выполним наказ ректора: стоять до последнего адепта! — ехидно поддержала его пепельная блондинка. Я пару раз видела ее с адептами третьего года обучения прикладной магии.

У нас целых три факультета. Два — узкоспециализированных: бытовой магии (там натаскивают только по бытовым заклинаниям) и прикладной магии (тут изучают сопутствующие, простые основы-заклинания, на них другие маги могут сделать что-то грандиозное). Ну и третий факультет — мой, общий: бытовой и прикладной магии. И я единственная оказалась недостаточно шустрой, чтобы сбежать от ректора...

— О... — Представитель мужского пола в нашей команде неожиданно схватился за бок и, постанывая, побрел в сторону дежурного доктора.

— Может, нам всем того?.. — задумчиво предложила блондинка.

Рыжеватая адептка, вроде со второго бытового, скривилась.

— Напоят отваром и назад выставят! — уверенно заявила она. — Три раза пробовала, — добавила она сердито.

Да, похоже, на команду надежды нет.

Из магии у меня только бытовые заклинания и сносное умение собирать основы для сложных артефактов.

Домик? Нет уж, спасибо.

Придирчиво оглядев арену, я задумчиво потерла лоб. Расстояние между реликвиями было приличным.

— Всего-то! — фыркнула блондинка, показывая пальцем на деревянный помост теневиков.

Помощник судьи аккуратно положил на плоскую подставку небольшой диск — самый обычный согревающий артефакт. В нашем городке, горном курорте, такие особенно востребованы весной и осенью, когда погода меняется по пять раз на день.

— Ого! — присвистнула бытовичка.

Я тоже удивленно уставилась на будто сотканную из подсвеченной солнцем паутины накидку. Ее как раз водружали на нашу подставку.

— Солнечная накидка! — восторженно выдохнула блондинка.

Солнечная накидка — сложный артефакт, пропитанный солнечной магией, светлой, как ее называют в простонародье. Надев ее, человек получает способность слепить врагов, плюс она защищает его от темных заклинаний. Не всех, только части. Но все равно такие накидки редкость — слишком много магии тратится на их создание. Проще нанять телохранителя.

— А толку-то слюни пускать? — усмехнулась бытовичка. — Все равно ее у нас в первую же минут отберут.

Может, и не отберут.

— Команды, займите свои места! — разнесся над стадионом голос судьи.

Наша троица кучно выпала на арену и встала у подножия помоста.

Я отступила, оглядела бок деревянного сооружения. Невысоко, должно получиться.

Пока прикидывала, появились теневики в количестве трех штук: Змей, блондин с крупным носом и шатен с узкими губами и злыми серыми глазами. Четвертый — кудрявый русский гигант с тяжелой челюстью — остался сидеть на трибуне. Похоже, нашего внезапно заболевшего так и не сумели вытолкать на арену. И противники весьма благородно убрали одного игрока.

Змей и блондин встали на два шага впереди, шатен занял позицию у пирамиды.

Наша команда внезапно ощутила себя сплоченной и дружной: девочки вместе отступили, подперли тылами помост.

— Начали! — Голос судьи прозвучал как гром среди ясного неба.

Змей с блондином рванули к нам. Я подпрыгнула, дернула накидку на себя. Чуть не свалилась, когда она легко слетела с подставки. Торопливо накинула на плечи, трясущимися руками застегнула застежку.

И...

На накидке стояло блокирующее заклинание. Просто отлично! Да здравствует наш судья! Самый справедливый судья! Змей с товарищем были уже в десяти шагах от нас.

Тихо выругавшись, я с развевающейся за спиной накидкой побежала им навстречу.

Трибуны улюлюкали и свистели. Моя команда озадаченно молчала.

Теневики не поняли, с чего вдруг чужая реликвия сама не сется им в руки, притормозили и переглянулись.

— Осторожно, гололед! — выпалила я, на ходу сплетая простенькое заклинание, которым подправляли поверхность катков.

Оранжевые огоньки слетели с моих пальцев и устремились под ноги парней. Грязь со снегом растеклась, застыла ровной ледяной коркой. Я шлепнулась на бок и проскользила между Змеем и блондином, прямо под руками пытавшихся поймать меня парней. Вскочила на ноги, понеслась по кругу.

Змей бросился наперерез, его товарищ — с другой стороны. Меня собирались прижать к трибунам. Я не желала прижиматься. В теневиков полетели оранжевые огоньки — заклинания стирки. Без воды, но и так пойдет.

Змей увернулся, а блондин начал сдирать куртку, когда та зашевелилась, пытаясь прямо на нем крутиться, сжиматься и расправляться.

Трибуны огласились радостными женскими криками.

Скосив глаза, я заметила блондина, стягивающего рубашку, вслед за курткой решившую постираться прямо на нем.

— Какая изобретательная мышка, — усмехнулся Змей, его пальцы сомкнулись на моем запястье.

Трибуны взревели.

Оранжевые огоньки появились на моей ладони, и я бросила под ноги теневики все то же заклинание для исправления дефектов катков.

Змей выругался, с трудом удержал равновесие: его сапоги оказались закованными в ледяную корку. Но мою руку не отпустил.

Я потянула сильнее: шатен из дозора у реликвии быстро шагал к нам, на его пальцах пульсировало черное пламя.

— Юрг, не лезь, — процедил Змей.

Шатен не остановился.

В меня полетело темное заклинание. Я с испуга вспомнила заклинание чистки ковров, но промазала — оно ушло куда-то вниз. Змей дернул меня на себя, и мы под удивленный вздох толпы хлопнулись на землю. Рухнули в облако пыли, кого-то сбили. Шатена. Ругаясь, он свалился сверху. И вся наша веселая компания, окруженная пылью, с размаху врезалась в пирамиду. Она покачнулась. Змей дернул меня в сторону. Деревянная конструкция рухнула. Я выставила руку: только бы поймать! Пальцы сжались на диске.

Шатен, помяная мою родню, вскочил на ноги. Кажется, его все же немного задело, потому что на пальцах начали закручиваться воронки из тьмы.

— Юрг! — Из облака пыли вынырнул раздетый до пояса блондин и сцапал его сзади за руки.

— Хватит, — отрезал Змей, поднимаясь на ноги и ставя меня.

Шатен, зло глядя на меня, нехотя убрал тьму.

— Адепт Юрген Эбнет! Десять штрафных очков! — прозвучал над стадионом голос судьи.

Всего-то? Даже моих знаний хватило понять, что второе заклинание Юрга было из смертельных! Мне стало нехорошо, я оперлась о плечо Змея.

Шатен вывернулся из хватки товарища, зло поморщился и ушел.

Змей проводил его хмурым взглядом. Повернулся ко мне, неожиданно подхватил под мышки, поднял и объявил:

— Реликвия добыта!

Ах ты ж..

— Да! Добыта! — повторила я, поднимая руку с зажатым в пальцах артефактом теневигов.

Трибуны замерли. Потом послышался радостный визг со стороны нашей пирамиды. Повернув голову, я увидела танцующих танго девочек. Отыскала взглядом ректора. Господин Крам оглаживал окладистую бороду, сияя сильнее, чем его парадная золотая мантия.

— Ничья! — объявил судья. — По итогам двух соревнований победа за командой Института теневого и боевого магии.

— Это твоя победа, мышка. — Змей опустил меня на землю.

Трибуны взорвались радостными воплями. Кто-то сотворил разноцветные лепестки и запустил над ареной. Линзы показали лица команд, ректора, судью.

Оставив реликвии помощнику судьи, я отправилась караулить ректора у выхода.

На широком, местами присыпанном снегом, местами сверкающем лужами крыльце столкнулась с по-деревенски закутанной в шаль женщиной. Незнакомка пару минут смотрела на меня, потом поправила закрывающий лицо край платка. На пальце сверкнул перстень с большим изумрудом, внутри которого горела крохотная янтарная капля. Женщина нырнула за дверь, а я скатилась по поблескивающим лужицами воды и слегка обледеневшим по краям ступенькам.

У входа стоял ядрено-красный ректорский мобиль, рядом с ним сидел рыжий энфилд.

На лисьей морде элементаря воздуха было написано недовольство тем, что ему приходится ждать хозяина. Орлиные перья на передних лапах были сердито встопорщены, задние, волчьи, — царапали когтями камни мостовой. Быстрее энфилдов никого нет. Только если пройти через разлом. Но пройти через них можно только в определенных местах.

Так что личные мобили были нарасхват. Младшие братья промелькнувших незамеченными автомобилями медленно, но верно захватывали улицы городов.

К слову, автомобили не получили признания народа — топливо для них было редким и дорогим. А элементарии у нас встречаются на каждом шагу. Вот и решили связать железную машину и их специальным артефактом. Результат всем понравился.

Кроме личных мобилей, имелись общественные духовозки. В них не было ни плавных изгибов и благородной «внешности», ни комфортного салона: смесь дилижанса и вагончика. Зато и оплата небольшая.

На крайний случай можно было проехать верхом на энфилде.

В общем, элементарии были весьма востребованным транспортом.

С грохотом распахнулись двери холла, и господин ректор в накинутах поверху мантии полушубке выплыл на крыльцо. Следом, точно утята за уткой, наша команда. Включая внешне выздоровевшего парня.

Вот злыдень! Ну и ладно. Мне с ним один артефакт не делать и заклинания не править!

Я бросилась к ректору, спускающемуся по лестнице с видом победителя.

— Не уделите пару минут?

— Тебе, Леннет, сколько угодно! — довольно пропыхтел он в бороду, направляясь к мобиле. — Говори, что у тебя там стряслось?

Повелительным взмахом руки господин Крам отпустил нашу команду. Ребята обрадованно смешались с толпой.

— Вы бы не могли меня обменять?! — выпалила я.

— Боюсь, вы давно переросли возраст, когда родители могли вернуть вас аисту, — пошутил господин Крам и пробурчал, поглаживая бороду: — Что касается иных обменов... Вы действительно считаете, что я отдам каким-то теневикам такую перспективную адептку?

Он гордо косился по сторонам на охотно «греющих уши» горожан и студентов, делающих то же самое, но не так заметно.

Ладно... Как там отец сказал? Честность не всем нужна?

Насколько помню, не только папа таскает с собой артефакты для частных бесед.

— Господин ректор, разрешите сказать вам пару слов наедине?

Господин Крам поморщился и нехотя кивнул. Все же я сегодня его гордость. А гордость не принято посылать лесом. Он вытащил из кармана артефакт и активировал, отрезая нас от любопытных ушей.

— Если вы не отправите меня к боевикам, через месяц, максимум три, у вас будет самая честная школа в Фидхольме, — не стала ходить вокруг да около я. — Причем все будут честными. И адепты, и преподаватели, и обслуживающий персонал, и вы...

Ректор нахмурился и погладил бороду.

— И в связи с чем у нас случится приступ честности?

— В связи со мной, — я развела руками, — и моим тлетворным влиянием.

Ректор дураком не был — сообразил, что выяснять детали не стоит. Некоторые семьи старательно хранят свои тайны. До семейного склепа, так сказать. Склепа того, кто решил узнать подробности. Но и излишним легковерием он не страдал. Хмуро изучая меня, продолжал поглаживать бороду.

— А вы оставьте меня, и сами все увидите, — предложила я.

— Тень тебя заberi, Леннет, — вздохнул господин Крам, — отправляйся к своим темным!

Глава 2

Хорошее настроение не могла испортить никакая поездка в душовозке. Я потолкалась с пассажирами, с ними же попрыгала на кочках. Водитель только руками разводил — энфилд попался крайне вредный и находил неровности даже там, где по всем законам физики наш транспорт должен был

скользить колесами по сплошной наледи. А еще элементарль не хотел сидеть внутри стен духовозки, поэтому наружу постоянно высывывалась его голова с крайне ехидной и довольной мордой. Так мы и подкатили к моей остановке: вагончик, слегка напоминающий карету, где на месте оглобель торчала голова рыжего лиса, и хор ругающихся пассажиров, припавший к окнам.

Но к домику, где снимала мастерскую и комнату, я все равно летела точно на крыльях.

Получилось!

В холле двухэтажного здания, которым владела госпожа Бевис, меня ждала коробка с материалами и записка из лавки. Поступил крупный заказ, и требовалось срочно разобратсья с заготовками.

Напевая, я поволокла коробку в мастерскую.

Жизнь определенно налаживалась.

Оставив ношу на углу большого массивного стола, занимавшего центр комнаты, я приоткрыла окно, чтобы проверить. Бросила в камин полено.

Саламандра, огненный элементарль госпожи Бевис, которого я, по ее словам, избаловала как последнюю кошку, а не ящерицу, тут же радостно накинулась на перекус.

Пока она ужинала, я сбегала к себе, отмылась от даров стадиона, переделась в домашнее шерстяное платье. Сунула в карман «подарок» отца. Мельком глянула в зеркало и оценила проклюнувшиеся на носу веснушки. В городе снег, а у меня уже весна. Мама бы точно заставила выводить, а мне нравились солнечные поцелуи. Нравилось быть настоящей, живой.

А мама пыталась создать из нас с сестрой улучшенные копии себя в молодости.

В молодости мамулю считали одной из самых красивых девушек страны. Пророчили замужество за родовитым лаерном. Но она выбрала вместо дворянина папу — состоятельного и известного куда больше, чем некоторые захудалые дворянские семьи.

Мы не были лаернами, но мама считала, что ее дети должны быть не хуже отпрысков дворян. Брату повезло. Родительница озадачила его лишь правилами поведения. Дальше Бернарда воспитывал отец. А нас с Ненси — мама.

Сестричка была в восторге от всех этих этикетов, правильных подборов платьев в зависимости от времени суток... Устранения мелких «дефектов» внешности, которых у нее не имелось, но мама их с удовольствием находила.

Мне же просто хотелось изучать заклинания, колдовать.

К тому же мы с братом пошли в отца: прямой нос, овальное лицо, голубые глаза. Нормальная, вполне симпатичная внешность, но, по мнению мамы, обычная. И такой внешности обязательно требовалась изюминка или корзина изюма из чудес косметической магии, чтобы стать распрямленной.

Естественно, ни я, ни брат обрастать «изюмом» не хотели.

Наверное, поэтому я подумывала подкрасить синие пряди специально, когда то, что уже есть на моей голове, отрастет...

Вернувшись в мастерскую и первым делом пошарив по ящикам шкафов, я отыскала тонкие светло-коричневые перчатки, напоминающие обычный дамский аксессуар. Незаменимая вещь в работе любого мага прикладной или бытовой магии. Они защищали руки от неприятных сюрпризов, связанных с чужими заклинаниями.

Но прежде чем приступить к работе, надо узнать все подробности, касающиеся нашего семейного проклятия.

Отложив перчатки, я вытащила прозрачную пирамиду. Дотронувшись до вершины пальцем, активировала.

Над столом тут же появилось сосредоточенное лицо отца.

— ...Точное время появления проклятия правды в нашей семье неизвестно, — сразу с места в карьер начал родитель. — Предположительно десять поколений назад оно появилось у дочери главы семьи, она была вторым ребенком. Возможно, проклятие было наложено обманутым клиентом. Кем именно — не удалось выяснить...

А дальше отец сухо перечислил тех, кому повезло стать ходячим артефактом правды для окружающих. И себя.

— ...Не только окружающие начинают говорить правду, проклятие заставляет быть правдивым хозяина... — вещала запись.

Дальше шли подробные перечисления того, чем именно это может быть чревато. Скандалами, судами, разводами... С браком, к слову, тоже была загвоздка: сила проклятия росла, если владелица выходила замуж. Даже обручение могло усилить проклятие. Поэтому мечты о счастливой жизни с прекрасным принцем придется оставить...

Обидно! Не то чтобы у меня толпа принцев под окнами сидит... но какая девушка не мечтает влюбиться? Я мечтала. И вдруг...

Дальше в записи перечислялись методы, которые перепробовали, чтобы снять проклятие.

Отец не солгал, сказав, что все испробовано до меня. Но верить в то, что выхода нет, я категорически отказывалась. В конце концов, магия не стоит на месте. Раньше не получилось, теперь выйдет! Надо только добраться до лучшего проклятийника в Фридохльме. А если и он не поможет, наше королевство не единственное в мире...

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, я сходила к себе в комнату, оставила пирамиду с записями на тумбочке, сунула в карман напоминающую прозрачный леденец линзу: утром свяжусь с деканатом, узнаю, когда отправляться в институт теневиков.

Обратно в мастерскую вошла с желанием творить. И вытворять.

А вытворять мне предстояло много. Без малого пятьдесят основ под согревающие кольца ждали меня в коробке.

Неудивительно, что я немного заработалась...

И тихие трели ледяных элементарей, крохотных, напоминающих ледяных синиц духов, стали полной неожиданностью.

— Только не стол! — Я вытянула руку, но пальцы лишь скользнули по краю бумажного треугольника, запорхнувшего в приоткрытое окно.

Зимние духи, доставив почту, улетели.

Письмо с размаха грохнулось на только что доделанные заготовки для артефактов.

Крутые основы, напоминающие кольца, бодро посыпались со стола, не успевшие закрепиться искры огненной магии засверкали в воздухе. А треугольник плотной бумаги все скользил по столешнице, грозя уничтожить мою работу подчистую. Скользил и счастливо шуршал.

В душеросло радостное желание найти того, кто его прислал, и... заставить переделывать заготовки для артефактов! Все пятьдесят штук!

И кто у нас счастливчик?

Схватив письмо, я сердито покосилась на россыпь заготовок под ногами. Сломав печать, на которой был выдавлен мой адрес и имя, развернула бумагу, пробежала глазами ровные строчки. Поморгала, потому что возникли сомнения в собственной адекватности.

Все же соревнование и полсотни заготовок, после такого и император на пороге почудится!

Не помогло.

В свитке был брачный договор! Мой брачный договор. Согласно ему, я была глубоко замужем. Уже сутки.

Ну да — замужем! Отец скорее выкупит мне целый квартал домиков, чем выдаст замуж. Так что мимо, господа шутники!

Я скомкала бумагу и ловко закинула в камин.

Саламандра, скользнув по тлеющим углям, сцапала добычу.

— Приятного аппетита! — улыбнулась я, наблюдая, как ящерка с видом дегустатора пробует край моего брачного договора.

Пока она изучала закуску, я собрала с пола заготовки, сложила их на краю стола, осторожно переместила уцелевшие в шкатулку.

Как раз ставила ее на полку, как в камине закашлялась саламандра, а мне на голову с ехидным шорохом спланировал договор. Свернутая трубкой бумага стукнула по макушке и свалилась в руку, выбив шкатулку. Та со скорбным звяканьем приземлилась на пол.

Я с ненавистью уставилась на свиток, совершенно не помятый и даже ни капли не подгоревший.

Поставив шкатулку на стол, я снова старательно смяла договор. Достала из ящика стола зажигательную палочку и щербатую тарелку, высыпала из нее запасные детали. Установила ее на столешнице, сунула туда бумажный комок и подожгла.

Брачный договор вспыхнул ярко. Но радовалась я недолго. Пламя с хлопком погасло, плюнув мне в лицо облачко копоти. А целая и невредимая бумага с громким шелестом начала разворачиваться и распрямляться!

Это война!

Выдвинув ящики стола, я вытащила запасы артефактов.

Свиток не горел ни синим, ни обычным пламенем, не намокал, не становился пеплом! Только комкался. Но удовольствия от этого было мало: вредный кусок бумаги тут же распрямлялся.

Неизвестная магия охраняла его целостность. Похоже, шутник хочет, чтобы я дочитала и насладились? Наслажусь. А потом найду автора этого пасквиля и устрою ему день жизни без бытовых заклинаний. Восстановлю естественную среду, так сказать.

Усевшись в кресло, я приступила к чтению.

Заклучали брачный договор по всем правилам конспирации и седой древности. Личности подписавших договор от моего и имени жениха скрывала магическая пленка. Убрать ее можно было одним способом: встретиться со счастливым новобрачным и сложить вместе два договора.

А вот мой жених, напротив, являлся личностью известной.

Лаерн Стейн Борг, наследник древнего рода. Рода, считавшегося мертвым и внезапно воскресшего в лице этого самого наследника. Появился он аккурат ко дню, когда ответственность лаерна должна была отойти короне. Это все, что я запомнила про того, чье имя мелькало в новостных колонках газет, которые я ради любопытства просматривала через линзу. Интересно, а ему тоже прислали письмо? Или мне радоваться в одиночку?

С удовольствием смяв договор, я забросила его в камин. Саламандра опасливо покосилась на бумагу, а та развернулась и легла на угли, будто в насмешку демонстрируя мне текст.

Не стоит издеваться над бытовыми магами, даже очень усталыми. Особенно теми, у кого морозный ветерок игриво шевелит занавески на приоткрытом окне, работая вместо бодрящей микстуры!

Я вытащила из кармана, скрытого в корсаже платья, набор инструментов для изучения артефактов. Или набор домушника, как, морщась, его называл отец. Вынула тонкий стальной крючок, шагнула к камину и подцепила треклятую несгораемую бумажку.

Раздался мелодичный перезвон дверного колокольчика. Но тут же оборвался на трагическом звяке и закончился грохотом, словно кто-то распахнул дверь с ноги вместе с охранными чарами и замком.

— Что вы творите?! — тут же раздался возмущенный вопль домоправительницы. — По какому праву вы рушите наш дом?!

— По праву мужа, — отрезал ледяным тоном смутно знакомый мужской голос.

— Чьего?

— Явно не вашего.

Под сердитый вскрик госпожи Бевис дверь мастерской открылась. Громко стукнула о стену, криво повисла на петлях.

Я замерла от удивления, глядя на гостя. Русые волосы, стянутые в хвост, васильковые глаза, гибкая фигура, закутанная в плащ.

— Змей?

Представление команд я пропустила, потому что меня еще не доволокли до стадиона. Поэтому имени теневика не знала. Погодите... Он что, и есть тот внезапно обнаружившийся наследник?

— Заметаешь следы? — предположил Змей, оказавшийся лаерном Стейном Боргом, глядя на бумажку на крючке.

— Провожу опыт. — Грозные взгляды и зверский тон перестали действовать на меня лет с пятнадцати.

— Уничтожить не удастся, ты перестаралась с защитой. — Теневик оказался рядом, навис угрожающе. — И как? Нравлюсь?

— Не особо. Но быть твоей женой мне не нравится больше. — А еще мне не нравилось задирать голову, поэтому я обогнула супруга — тени побери шутника! — подошла к столу, сдвинула несчастные артефакты и положила бумагу и крючок.

Теневик повернулся следом. Пола пальто и штанина оказались в непозволительной близости от камина, а у саламандры после неудачного поедания брачного договора случилось отвратительное настроение.

Остановить ее можно было лишь одним способом. Я выдвинула ящик стола, цапнула артефакт для полива. Подобрала юбку, прыгнула к теневику. Тот насмешливо вздернул бровь, явно собираясь что-то сказать, но тут его пальто затрещало и вспыхнуло. Саламандра, радостно попискивая, понеслась вверх по ткани.

Я направила на нее артефакт, нажала камни на ободке. Вода тугой струей ударила прямо в теневика, как раз в этот момент сдернувшего пальто. Пальто улетело на пол, где его тут же начала жевать упрямая саламандра. В воздух поднялись облачка пара.

С артефакта в моей руке капало. С теневика текло.

— Прежде чем ты в дополнение к принуждению к браку обвинишь меня в собственном утоплении, скажи: договор с тобой? — торопливо выпалила я, пока он опять не озверел.

— Хочешь подтвердить свою вину? — процедил сквозь зубы Змей, стирая с лица капли воды.

— Хочу узнать имя того, кому испорчу все артефакты в доме, чтобы ему жилось легко и хорошо! И без магии!

Теневик неожиданно усмехнулся и кивнул на пол. Там саламандра возмущенно шипела на близнеца моей бумаги. От пальто не осталось ни клочка.

Я бросила артефакт на стол, наклонилась и цапнула договор супруга.

Тут в холле раздался протяжный рык.

— Что ты сделал с моей домоправительницей?

— Обездвижил.

— Тебе конец, — с сочувствием сообщила я.

Некоторые люди страшны в гневе. Так вот: моя милая домоправительница была очень страшна в гневе! Потому что обладала магией тлена, звериной силой и такой же логикой. Однажды к нам залез вор. Так через десять минут стража сняла его со шпилья колокольни, его одежда осыпалась лоскутами, а он сам заикался и молился.

Избежать гнева госпожи Бевис можно было двумя способами: собственно, или быстро убежать, или спрятаться. Вор понял это не сразу.

Я покосилась на Змея... Борга... Стейна. Нет, этот бегать не станет! Бегло осмотрела мастерскую. Рычание в гостиной усиливалось. Надо же, я раньше и не замечала, что тут так мало мест, пригодных для прятанья мужей!

Шкафов три, больших и основательных, но внутри полки. Узкие, на неубиваемых креплениях. Сама заказывала, чтобы выдержали артефакт любого веса. На них он не поместится.

Стол — не убежище, разве что мой супруг сможет отгородить нас им вместо двери? Но он не похож на атлета. Поэтому вряд ли.

Камин? Он в мастерской огромный, чтобы прожорливой саламандре всегда хватало пищи и простора. Но дымоход обычный.

Портьеры на покрытых морозными узорами окнах чисто символические, шириной с пару ладоней. Потому что больше ткани — больше вероятность устроить пожар. За окном заснеженные кусты жимолости. Но лучше колючки, чем домоправительница!

— Вылезай. — Я показала на приоткрытую створку.

Саламандра насмешливо зашипела из камина. Пока я размышляла, куда девать мужа, она забралась назад.

— Мне не настолько жарко. — Стейн насмешливо посмотрел на меня сверху вниз. Он был слишком близко, чтобы избежать брызг с его мокрых волос.

Отодвинувшись, я пожала плечами.

— Тогда тебе придется воевать с моей домоправительницей.

— Я не воюю с женщинами.

Вот это новость! А кто за мной по арене гонялся? И потом...

— Ну, пару минут назад ты на меня очень вдохновенно рычал, — напомнила я, не отказав себе в скромной женской радости: ехидстве.

— А что ты решила, получив договор?

— Что у кого-то отвратительное чувство юмора. — Я постучала пальцем по столешнице рядом с нашими договорами. — Давай уже посмотрим, кто решил испортить нам жизнь?

И тут в холле раздалось радостное рывканье. Потом топот. Змей нахмурился.

Да, походка у моей домоправительницы в злом состоянии тяжела.

— Можешь забаррикадироваться столом, — снова предложила я, — но тогда ты будешь должен новый стол.

Стейн раздраженно поморщился и скрестил руки на груди, спокойно глядя на дверь.

Я с сожалением покосилась на заготовки. Жаль их. Сцапала договоры, свой и супруга.

Тяжелая поступь госпожи Бевис звучала все ближе. Секунда — и в мастерскую влетел вихрь из юбок, когтей и развевающейся бахромы от шали. Да, в таком состоянии моя домоправительница очень быстрая.

Госпожа Бевис сразу же накинулась на Стейна. А тот взял и... поймал рычащую даму. И, держа на вытянутых руках, удивленно констатировал очевидное:

— Берсерк.

— А ты что за бес?! — рыкнула ошарашенная домоправительница. Когти оставляли глубокие царапины на его руках, а магия тлена быстро превращала одежду в кучу лоскутов.

А он держал. Держал берсерка!

— Мой муж, — ответила я, озадаченно глядя на Змея.

Госпожа Бевис покосилась на меня и немного успокоилась. Когти исчезли, зверское выражение с лица тоже.

Стейн тут же поставил ее на пол.

Домоправительница поправила шаль, трагически вздохнула и протянула ее тенивику. Как раз вовремя: его одежда окончательно дотлела, и он оказался в костюме первого человека, только с шалью вместо фигового листа.

Сложен он был отлично... прямо смотреть и смотреть... и его ничуть не портили царапины и... тонкие белые нити шрамов на руках и груди...

— Как муж? Откуда муж? — переспросила домоправительница.

— Да вот, завелся как-то сам, — хмыкнула я. — У вас тараканы, а у меня вот... муж.

Змей сверкнул глазами. Очевидно, это означало, что он не завелся, а если заведется, мне не поздоровится.

Госпожа Бевис выудила из складок юбки зеркальце, поправила волосы, нахмурилась, глядя на отражение, и проворботала:

— Пойду-ка я отвара успокоительного заварю! Себе, литров шесть.

Едва она переступила порог мастерской, мы со Змеем, завернутым в шаль на манер полотенца, дружно придвинулись к столу.

Я приложила договоры друг к другу боком. Опустила пальцы на край своего, Стейн дотронулся до своего.

Пленка на месте имен наших доверенных лиц начала неторопливо таять. Словно лед под лучами солнца, она истончалась неравномерно. Части букв возникали в хаотичном порядке.

Теплое дыхание щекотно коснулось щеки, горячая рука — моего плеча. Крохотные волоски на шее встали дыбом, по спине зашпешили суетливые мурашки. Не привыкла я, что рядом со мной стоят совершенно чужие индивиды в шали. Это не брат в полотенце, к которому ты заскочила сказать, что вместо завтрака надо готовиться к банкету у очередного делового партнера отца... Но все это меркло и бледнело перед треклятыми буквами, выползающими из-под пленки со скоростью разбитой параличом улитки!

— Чай! — В комнату вплыла, чинно шурша юбками, госпожа Бевис с подносом.

Платья в пол, еще и с дивизией подъюбников, носят только в далеком островном Дааране. Моя домоправительница как раз была оттуда. И выглядела в своих закрытых платьях и пышных юбках до подошв ботинок так, словно сбегала из проекции, как одевались сто лет назад.

Меня ее манера наряжаться совершенно не волновала. А она не пыталась переодеть меня в «приличное», принятое у нее на родине. Так и жили.

Наученная опытом (все, что валяется в мастерской, может не валяться, а лежать в художественном беспорядке), госпожа Бевис вначале высмотрела свободную часть стола, а потом поставила поднос.

— Это вам. — Она протянула Змею рубашку, потрепанные штаны, шинель и выдавшие виды сапоги. Очевидно, ограбила комод, где лежали старые вещи для кухонных тря-

пок. — Любимые вещи моего мужа, — чинно сложив руки перед собой, смиренно сообщила она.

Да, любимые. Ее супруг любил в них пугало наряжать на их ферме. Два дырявых сапога и шинель, напоминающая решето и доставшаяся ему от деда-военного, не только ворон доводили до икоты, нежить заставляли обходить их огород стороной!

— Благодарю. — Змей тоже мог быть учивым.

Госпожа Бевис неторопливо выплыла из мастерской. Судя по блеску глаз домоправительницы, месть за ловушку удалась на славу.

— Непростая у ее супруга была жизнь, — оценив прорехи на ткани и трещины на сапогах, усмехнулся теневик.

Госпожа Бевис услышала — из холла донеслось:

— Что вы! Жил он хорошо! Только экономный был очень. Да осветит солнце его загробный путь!

— Судя по всему, жизнь была хорошая не у господина Бевиса, а у мышей, — Змей дотронулся до дырок на шинели, — и моли.

— Очень хорошая, — согласилась я, изо всех сил стараясь не смеяться: жених примерял шинель. — На чердаке до сих пор такие экземпляры летают и бегают, что их никакие отпугивающие артефакты отпугнуть не могут. Того и гляди сыр из кухни прямо головкой укатят или шубу из шкафа унесут!

— И как они тебя до сих пор не утащили, мышка?

— А они на диете, полосатых не любят. Холл, штора, дверь шкафа, — перечислила я места для переодевания из шали в дары домоправительницы.

— Просто отвернись.

Мне несложно, но голый парень за спиной, не прикрытый ни домоправительницей, ни ее шалью, — это слишком даже для такого невыспавшегося и злого бытовика, как я!

— Чем штора не устраивает?

— Слишком далеко. — Стейн бросил вещи на край стола и взялся за узел на шали.

Я рывком отвернулась. Чудом сдержалась, чтобы не отпрыгнуть подальше. Спокойно, это всего лишь голый... муж.

Тихо хихикнув, я успокоилась. В его словах имелся здравый смысл: вдруг, если отойдем, договоры обратно все пленкой затянут? Но я все же незамужняя... то есть не видевшая... то есть видевшая за свои двадцать лет голого мужчину дважды: сейчас и когда соседка по столу в школе подпортила сделанный артефакт, и наш новый и до безобразия молодой преподаватель оказался под прикрытием сгустка магии и кактуса, сдернутого с подоконника! А тут...

А тут за спиной раздался треск.

Я подпрыгнула на месте и с беспокойством спросила:

— Договоры?

— Нет, это я.

— Старость? — не удержалась я от шпильки.

— Не буди во мне гиппогрифа, мышка. — И следом удивленное: — Какого демона?

— Опять ты?

— Нет, договоры. Я одет.

Повернувшись, я мельком глянула на местами разлезшийся и явно узкий теневику наряд и уставилась на листы. Имена наших «благодетелей», заключивших брак, не проявились! Вместо них над бумагой возникли огненные буквы с переливами серебра:

«Корона на ее голове сияла ярко, но потускнела. По левую руку от солнца сидит, забытая всеми».

— Загадка? — Змей насмешливо покосился на меня. — Все-таки подделка, да, моя хитрая мышка?

— Нет, мой упертый змей! — огрызнулась я. — Если и подделка, то не моя. Слушай, чего ты так упорно пытаешься сделать меня виноватой, а? Тебе, конечно, сложно поверить, но мне замуж нельзя, вот никак. И вообще, может, это ты сам нас обручил?

— И стишок сочинил, — ядовито подсказал теневик.

— А что? Кто знает, какие у тебя скрытые таланты? — Я еще раз прочитала странное послание, висящее перед носом.

Ну и кто ты, наш таинственный «благодетель»? В голове была только одна кандидатура, но она казалась слишком невероятной.

— Подлинность этих бумаг можно легко проверить. Прогуляемся в мэрию, мышка? — предложил теневик.

— С удовольствием, змейчик!

— Стейн.

— Мартина.

Пару минут спустя я маршировала по заледеневшей улице под руку с теневиком, одетым в побитую молью шинель и слегка потрескавшиеся сапоги. В витринах мелькало наше отражение: породистый лаерн в костюме оборванца и я, худощавая, бледнолицая гирька в меховой накидке с капюшоном.

В светлое здание мэрии вошли так же.

Теневик не стал откладывать проверку в долгий ящик: поймал первого попавшегося клерка, сунул ему под нос листы.

— Мы с невестой хотели бы удостовериться в правильности оформления документов.

Клерк, парень на пару лет старше меня, радостно повернулся в его руке, и, вися на собственной одежде, сложил ладони вместе. Тонкие браслеты на его запястьях, исписанные символами и пропитанные магией, соприкоснулись, и перед нами появилась голубая полупрозрачная книга.

— Лаерн Стейн Борг и госпожа Мартина Леннет, — подсказал теневик, отпуская его ворот.

Страницы книги зашевелились и замерли. Над ними появилась выдержка, крупные буквы голубого цвета были беспощадны:

«Лаерн Стейн Борг и госпожа Мартина Леннет... Брак заключен... Обряд номер... проведен согласно единому протоколу по заключению браков от 1222 года от правления...»

Вот черт!

Не подделка. И даже больше того, нас обручили по древнему обряду! Расторгнуть его можно только с личного разре-

шения императора. Имелся и еще один подвох: заключаешь брак, а через шесть месяцев ни одна мэрия вас не разведет. Не успел. Даже император не поможет.

Не так я представляла собственную свадьбу!

Цветы, гости... А тут злощияй теневик и перепуганный клерк, который не мог удрать от нас лишь потому, что этикет общения с клиентами не позволял.

— Кто подписал договор? — тихо и весьма проникновенно выдохнул Стейн.

— Так вот-с! — пискнул клерк, ткнув пальцем в подписи под текстом.

В отличие от наших договоров, там все было написано предельно точно и ясно:

«Ее императорское величество лаерна Белинда Брабел».

Вот тебе и «Корона на ее голове сияла ярко, но потускнела. По левую руку от солнца сидит, забытая всеми».

Солнцем себя именует наш император. По правую руку от него сидит принцесса, по левую — его мать. И корона на ее голове как раз потускнела, потому что теперь «сияет» ее сын.

— Вдовствующая императрица? — пробормотала я, борясь с желанием потереть глаза.

Змей уверенно кивнул.

По слухам, матушка правителя — дама с чужинкой. То всех слуг разгонит, то годами из покоев не выходит. А вот желания поженить всех и вся у нее не наблюдалось — сын как ходил гордой поступью среди придворных дам, так и ходит. Радую и их, и журналистов всех мастей. Романов у него больше, чем муравьев у разбитой банки варенья. Наследники? Имеются. Принцесса — признанный бастард. Так что в плане «кому отдать корону в случае кончины императора от любовной горячки» полный порядок. Вот она, наследница.

А тут вдруг нате вам!

Ну и зачем вдовствующая императрица решила обручить двух незнакомых ни ей, ни друг другу людей?

Или знакомых?

Глава 3

— Признавайся, чем ты разгневал мать императора, что она решила тебя окольцевать? — тихо спросила я, глядя, как обрадованный клерк скачет через холл, а следом за ним летит магическая книга, пугая редких припозднившихся посетителей.

— Я разгневал? — Стейн смерил меня насмешливым взглядом.

Мы направились к двери.

— Ну а кто из нас наследник древнего рода? — Выходя наружу, я покосилась на Змея.

— А кто дочка одного из крупнейших торговцев тканями?

— Не настолько крупного, чтобы торговать с двором. — Отца это очень злило. Однако все «сочные» места во дворце были давно заняты. Чужих туда на залп орудий не подпускали. — К тому же из нас двоих внезапная находка и адепт престижного института — ты!

— Вот именно, и выйти за меня выгодно именно тебе, — поморщился Стейн, закрывая за мной дверь.

Мы остановились на крыльце.

— И тебе тоже, — буркнула я.

А что? У него имя, у меня отец не последний торговец тканями королевства.

— Хорошо... — Стейн задумчиво потер пальцами русую бровь. — Не ты и не я. Будем считать, что мы оба жертвы некомпетентности придворного доктора, просмотревшего явное душевное расстройство старой женщины...

— Будем считать, — согласилась я.

Прохожие бодро скользили по своим делам. Потрескивали фонари. Духовозки и мобили постукивали колесами, спеша по своим делам. Энфилды, сидящие у свободных наемных мобилей, пофыркивали, ловили на кончики лисьих морд падающие снежинки. Зеленели почки,

припорошенные снежной крошкой. Все так мирно, привычно...

И если подумать, ничего страшного не произошло. Просто план избавления от проклятия осложнился внезапным браком. Браком, расторгнуть который может только император. А к нему еще попробуй подберись. И на него у меня совсем другие планы. Интересно, достаточно ли для развода только просьбы Стейна? А если нет? В какие дали отправит император нахальную девицу, решившую обратиться к нему сразу с двумя просьбами?

— Значит, так, Мартина. Я все исправлю. — Стейн едва заметно улыбнулся. — Про наш брак никому ни слова. Учись и живи спокойно. Я все сделаю. Мы будем свободны.

А в домик не переехать, случайно? В уединенный?

— Не получится, — глядя в васильковые глаза, кажущиеся темными при свете фонаря, улыбнулась я.

— Что? — не понял теневик.

— Учиться и жить спокойно. Я к вам еду по обмену.

— Тоже за дипломом для родителей, что ли? — поморщился Змей.

Я отрицательно покачала головой.

— За замужеством? — криво усмехнулся он.

— Не поверишь, но нет. За славой и признанием. — И мысленно добавила: «И личной аудиенцией императора».

Стейн смерил меня удивленным взглядом.

— Не выйдет.

— Почему?

— Ты шустрая, мышка, но этого мало, чтобы попасть в команду. — Теневик поправил съехавший с моей головы капюшон.

Лихо он меня в запас списал. Прямо как отец в свой домик.

— А я тебя удивлю, — упрямо выдвинула подбородок.

— Ты всегда такая вредная?

— Нет. С понедельника по пятницу.

Стейн навис надо мной. Я упорно смотрела ему в глаза, стараясь не замечать, как мало вдруг стало воздуха, а тот, что остался, будто прошивали грозовые разряды.

— Стейн! — Радостный мужской голос прервал поединок взглядов.

К нам шагал носатый блондин из команды Змея. Следом маршировали остальные. Кудрявый гигант держался рядом с опять чем-то недовольным Юргеном. На плече каждого боевика висел небольшой рюкзак. У блондина два.

— А мы тоже решили в мэрию заглянуть, узнать, где тут приличное место, чтобы снять на ночь комнату, поесть и... отдохнуть. А то в гостинице, адрес которой нам дал ректор, цены такие, словно там личные покои императора. И комнаты — прямо оранжерея: плесень, клопы, тараканы на любой вкус! А через дыры в полу и стенах можно с соседями говорить, — пожимая руку Змея, выдал блондин. — А ароматы с кухни такие, что даже зомби не позарится.

Знаю я эту обитель экономии в царстве тараканов, ректор ее всем гостям школы и знакомым советует. Ну а как? Сим заведением владеет тетка двоюродной сестры жены ректора. А он свою родню любит. И регулярно обеспечивает ей заработок.

— Что за маскарад? — Блондин отдал другу второй рюкзак и теперь с интересом разглядывал его наряд.

— Неудачно зашел на огонек, — отшутился Змей.

— Огонек, судя по твоему виду, пылал жарко, — хмыкнул блондин. — Привет, реликвия! — добавил он, глядя на меня. — Мартина? Правильно, лапущка?

Я кивнула. Compliment приятно согрел душу, хоть и был нарочитым. Как у торговца на рынке, у которого все покупательницы красавицы.

Змей едва заметно поморщился.

— А я Кристоф, — продолжал, лучась приветливой улыбкой, блондин. — А это Вардкес...

Он ткнул пальцем в сторону кудрявого здоровяка. Тот склонил голову и прогудел:

— Вард.

— Юргена ты уже знаешь, — представил чокнутого тене-вика Кристоф.

Шатен лениво проследил взглядом за проехавшей мимо коляской, запряженной огненно-рыжим энфилдом. На ней катались туристы, желающие почувствовать себя в древних временах. Чем их, туристов, не устроили лошади, хозяин повозки умалчивал.

Я тоже сделала вид, что вместо Юргена вижу фонарный столб.

— Узнал что-нибудь? — Кристоф повернулся к Змею. — Куда нам направлять свои стопы, капитан?

Теперь ясно, чего он ими так лихо командовал и откуда у него замашки все за всех решать. Кстати, о решениях.

— Полквартала на север, и вы сможете снять уютные комнаты и хорошо поесть. — Я махнула рукой, показывая направление.

Госпожа Бевис редко сдавала комнаты на один день, но, думаю, для четверки парней она сделает исключение.

Сейчас та самая пора, когда уже не зима и кататься на лыжах и ледянках не выйдет, разве только с веслами. Но еще не совсем весна, и сделать снимок себя на линзу на фоне цветущих Эдисских гор тоже пока еще проблематично. Поэтому туристов почти нет. И владельцы съемных комнат мечтают о скорейшем потеплении или ледниковом периоде. А погода радуется чем-то средним... Вот я и решила порадовать домоправительницу новыми постояльцами.

За год, что я у нее жила, женщина стала мне кем-то вроде бабушки. Заботливой, понимающей, которая всегда может довести вора до икоты.

— Полквартала на север, спасибо, лапушка, — расцвел Кристоф.

Обхватил рукой Юргена за плечи и потащил в указанном направлении. Вард потопал следом. Замыкали шествие мы со Змеем.

Я прожила в Йоне всю жизнь. Для меня были привычными улочки, то поднимающиеся, то резко уходящие вниз.

Дома, точно грибы, растущие по их сторонам. Горные вершины в шапках ледников, которые видно даже ночью.

Мне было странно слушать восторженные вопли Кристофа, сердитое бурчание Юргена, что видел и получше. И подбадривающее сопение здоровяка Варда, очевидно, означавшее, что шатен не прав и великан поддерживает говорливого блондина.

Было удивительно замечать, как улица идет волнами, а дома будто пляшут по ней!

Змей же, напротив, оставался совершенно равнодушным.

— Не любишь горы? — спросила я, поглядывая на сосредоточенное лицо теневика.

Он пожал плечами:

— Это всего лишь неровность ландшафта.

Как все запущено!

Мы как раз подошли к светлому крыльцу дома госпожи Бевис. Прежде чем вваливаться внутрь в компании парней, я позвонила в дверной колокольчик.

Госпожа Бевис встретила нас в холле с кружкой успокоительного чая.

— Тоже сами завелись? — отпивая пахнущий травами отвар, спросила она, разглядывая выстроившихся за моей спиной теневиков и Змея, помогающего мне снять накидку.

— Ага, — улыбнулась я, показывая на шкаф для уличной одежды в углу.

Стейн тут же сунул туда мою накидку и свою дарственную шинель. Остальные не торопились разоблачаться.

— Вы же не оставите на улице четверых несчастных? — спросила я у домоправительницы.

— И твои несчастные, конечно, очень приличные создания? — скептически нахмурилась госпожа Бевис.

— Самые приличные! — заверил Кристоф.

Домоправительница покосилась на Змея.

— Мы не причиним неудобств, — подтвердил он. — Нам нужны комнаты только на ночь.

Не причиним — дверь слегка выьем, и все. Я прикусила язык. Скажу про дверь, придется пояснять, с чего вдруг тене-

вик решил ее вышить. И радость победы, и страстное желание видеть меня еще раз, просто чтобы узреть мой неземной лик, его друзей вряд ли устроит в качестве объяснения.

— Четверть серебряного за всех. — Домоправительница допила отвар. — Две комнаты, селитесь по двое. Сдам на сутки. Ванная и удобства на этаже, в конце коридора. Плюс плотный ужин и основательный завтрак — столовая внизу. Ужин подам через пятнадцать минут. Не шуметь, чужих не приводить.

Змей согласно покивал.

— Вы наша спасительница! — обрадовался Кристоф.

Здоровяк Вард растянул губы в улыбке. Юрген придиричливо изучал стены.

— Прошу. — Домоправительница направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

Пока парни снимали плащи и поднимались за госпожой Бевис, я ускользнула в мастерскую. Прикрыв покосившуюся дверь, уселась за заготовки.

Тихо потрескивали дрова в камине, довольно посапывала на углях саламандра, ветер бросал в стекло на окне снежинки, скреблась ветка куста. Тикали часы. В воздухе витал едва заметный сосновый аромат канифоли.

Надев перчатки, я закрепляла искры огненной магии на кольцах и складывала их на стол. Если хоть кто-нибудь еще раз уронит мою работу на пол... загрызу! И плевать, что людям кусаться не положено.

Пока руки были заняты, в голове крутился целый рой мыслей. Проклятие, замужество. Слова Змея, что у меня не выйдет стать частью его команды. Самое обидное, он прав: умения шустро уворачиваться от противников мало, чтобы выстоять против боевого мага. Только вот выбора у меня нет. Либо сделаю невозможное, либо уютный домик и все, что нужно для жизни, кроме самой жизни. Еще и женитьба эта...

Последнее кольцо с алой каплей огненной магии на ободке легло на стол.

Я ревниво покосилась по сторонам.

Саламандра опасно попятилась от решетки в глубь камина.

Решив зазря не рисковать, я подтянула коробку, в которой прислали заготовки, и начала складывать их, проверяя крючком, плотно ли закрепились искры.

Дверь с истеричным воплем приоткрылась, и я чуть не снесла крючком искру с ободка.

— Мы недоговорили. — В мастерскую вошел Стейн, переодетый в нетронутые молью рубашку и брюки, с мокрыми волосами, все так же стянутыми в хвост.

Закрыв криво висящую дверь. Посмотрел на нее задумчиво, поднажал. Петли возмущенно заскрипели, деревянное полотно плотно встало на место.

Будто в насмешку, за дверью грохнуло, потом послышалась мужская ругань.

Мы с теневицом удивленно переглянулись. Змей шагнул к двери, потянул, дернул на себя.

Дверь стояла намертво.

Стейн поднажал. Ручка осталась в его пятерне.

Дверь стояла.

На ходу поправляя защитные перчатки, я бросилась к камину.

— Извини, дорогая, но придется немного поработать. — Я цапнула саламандру за хвост.

Элементаль возмущенно запищал, пытаясь достать до моих пальцев. Не обращая внимания на его вопли, я кинулась к двери. Змей в недоумении нахмурился.

Я приложила саламандру к петлям. Запахло паленым: затрещало, прогорая, дерево.

Я отпрянула от двери.

Деревянное полотно с грохотом рухнуло на пол, на месте петель остались выжженные дыры. Сами петли сиротливо висели на косяке.

Змей оттеснил меня и выскочил первым, на ходу сплетая черную сеть заклинания. Я, саламандра и ее дурное настроение рванули следом.

Понеслись на звук: раскатистая, замысловатая, как кружево, ругань звучала со стороны входной двери. Проскочив через холл, я выпала следом за теневикум на крыльцо и от удивления чуть не выронила саламандру.

Снаружи теневики, встав плечом к плечу, оборонялись от четверки незнакомцев с закрытыми магией лицами.

— Мартина, не высовывайся, — скомандовал Змей, бросаясь к товарищам и на ходу раздавая приказы: — Вард, прикрываешь дом. Юрг, Кристоф, смотрите в оба. Я пошел.

Блондинистый теневикум кивнул, в его кармане что-то засветилось темно-синим цветом. Кристоф отвлекся на мерцание, чем и воспользовался один из бандитов. Заклинание снесло блондина с ног. Змей выругался. Крепыш Вард прикрыл полупрозрачным, напоминающим пузырь щитом Кристофа и фасад дома.

Юрг и Змей вдвоем остались против четверых. Трех. Черная сеть Змея оттолкнула несущиеся в теневикум заклинания. Юрг ударил — и вырубил одного из нападавших.

И все равно превосходство было не на их стороне.

Тряхнув саламандру, я наскоро сплела заклинание, которым прачки подсушивают белье: получился поток теплого ветра. Вместе с ним я запустила небольшого и легкого элемента аккурат под щитом Варда.

— Фас их! — не зная, что скомандовать, выпалила я.

Саламандра от удивления перестала пищать. Воздушный поток поднес ее к ногам бандитов и потащил дальше. Не потерявшись, элементаль плюнул огнем. Бандиты дрогнули, улица наполнилась ароматом жженой шерсти. Бандиты с руганью кинулись тушить полы пальто, брюки и сапоги. Змей и Юрг накинули на супостатов черную сеть и спеленали. Выскользнувший из-за щита Кристоф что-то сделал с «неводом», и на землю упали три ругающихся свертка со сверкающими от злости глазами.

Саламандра с довольным видом долетела на воздушном потоке до крыльца и, сердито шипя на меня, приземлилась на камни мостовой.

В кармане блондина снова замерцало. Закатив глаза, он замер на полпути к четвертому бандиту, сбитому Юргом в самом начале, и выгасил светящуюся линзу.

С их помощью можно не только показывать в небе проекции, но и записывать их и передавать на другие артефакты. А еще связываться друг с другом, если хочется поговорить.

Судя по тому, как перекосило Кристофа и как мрачно переглянулись Змей с Юргом и Вардом, теневики видеть настойчиво вызывающего их абонента не хотели. А вот он их очень даже хотел.

Линза выскользнула из руки блондина, закрутилась волчком на месте, и на дорожку у крыльца шагнула проекция высокого плечистого мужчины лет пятидесяти. В темном плаще, застегнутом на все пуговицы.

Ого! Вот бы мне такую линзу. Но нет, у меня как у всех: вызвал—ответил. И картинка только по плечи... И никаких принудительных ответов без желания абонента. Кстати, а это вообще законно?

— Развлекаетесь? — насмешливо осведомился мужчина.

Его проекция заложила руки за спину и прогулочным шагом прошла вдоль вытянувшихся по стойке «смирно» теневиков.

— Так, гении тактики и стратегии, улов сдать полиции. И быстро в родные стены. Через полтора часа в моем кабинете, — процедил незнакомец.

Полтора часа до столицы? Всего лишь? Из Йона до стационарного разлома ехать час! И то при условии, что в службе найма будут свободные мобили. Найти их ночью — то еще приключение.

Но теневиков это не смущало. Они дружно козырнули. Вард убрал щит. Юрг незаметно пнул пытающегося отползти бандита, единственного, не спеленатого магией. Змей хмуро на него покосился. Юрген пожал плечами и набросил на объект пинания сеть. Блондин ее затащил, превращая бандита в еще один глазастый кокон.

Незнакомец тем временем остановился, разглядывая меня и зашипевшую саламандру.

— Девушку по обмену тоже не забудьте.

— Меня? — Я ошарашенно вытаращилась на обладателя плаща.

Саламандра вопросительно пискнула.

— Вас. Вы, Леннет, единственная, кто до сих пор не истерит под кабинетом ректора, — изучая меня с явным раздражением, ответил он.

— А почему мне надо там истерить? — не поняла я.

Саламандра опасливо отползла к крыльцу и возмущенно покосилась на меня: пришлось спуститься по ступенькам и взять ее на руки.

— Потому что ночное дежурство плохо укладывается в головах студентов по обмену. С вашей головой все проще: проспали отправку и совершенно спокойно хлопаете глазами, — поморщился этот... плащеносец.

— Как проспала? — вырвалось у меня.

— Судя по вашему свежему личику, со вкусом и посапывая, — ехидно ответил престарелый концентрат ядовитости.

А вот и «подарочек» нашего ректора подоспел! Отпустил, значит? Только забыл уведомить, что прямо со стадиона надо нестись к разлому.

— Если вы все же решили остаться в родных стенах, ради солнца и теней, оставайтесь. Если вдруг надумаете явиться к нам, зверинец брать не обязательно. Если возьмете, уход полностью на вас.

И один из преподавателей Института теневой и боевой магии (кто ж еще?) исчез.

Линза шлепнулась на ладонь Кристофа. Блондин улыбнулся мне и открыл рот, собираясь что-то сказать.

— Крис, на нас с тобой полиция. Юрг, справочники, номера личных линз извозчиков, что угодно, нам нужен транспорт, — не дал произнести ни звука Змей. — Вард, вещи. Мартина, если не передумала, у тебя пятнадцать минут.

— Ни за что! — Поглаживая саламандру, я забежала на крыльцо.

В дверях стояла домоправительница с чайником в одной руке и большой кружкой в другой.

— Тихие и неудобств никаких... — Философски отпивая успокаивающий отвар, она наблюдала, как Змей вызывает по линзе полицию, а Кристоф складывает бандитов в компактную кучу под фонарем, облюбованным парочкой ледяных синиц.

— За дверь заплачу, — проскользнув мимо госпожи Бевис, виновато пообещала я. В конце концов, ее снесла я.

— Беги уже. Я как раз собиралась новую дверь в твою мастерскую поставить, — отмахнулась от меня домоправительница.

— Тогда я установлю на нее чары от плесени, жуков и... артефакт для гашения пламени.

Надо же хоть какую-то пользу принести.

Госпожа Бевис согласно отсалютовала мне чайником.

Вот и договорились.

С саламандрой наперевес я первым делом бросилась в мастерскую. Сгрузив элементаря в камин, собрала оставшиеся заготовки в коробку. Написала записку владельцу лавки: извинилась, что мне пришлось срочно отбыть. Вытащив короб в холл, попросила домоправительницу отправить. Оставив ношу госпоже Бевис, ринулась к себе в комнату. В панике выгребла из шкафа вещи, затолкала в чемодан что влезло. Что не влезло, засунула обратно живописным ворохом — потом разберу. На выходных. Есть же в их институте выходные?

Ровно через десять минут я волокла вниз по лестнице чемодан. Дотащив его до холла, запоздало вспомнила, что так и не сняла перчатки для работы. Я как раз стягивала вторую, когда в кармане зажурчала линза. Сунув перчатки под мышку, я выудила ее.

На гладкой поверхности появилось крохотное изображение: курносое личико сестры в обрамлении светло-рыжих, старательно выпрямленных прядей.

С Ненси мы общались нормально. Ровно настолько, насколько могут общаться два человека с разными интересами. Мне нравилась магия и учеба. Ей — платья и приемы.

Едва я коснулась картинки на линзе пальцем, как в воздухе появилась проекция сестры по плечи, одетой в легкую белую шубку. В руках Ненси был небольшой светло-коричневый рюкзак. Странно — она носила либо крохотные сумочки, либо ничего.

— Ты же дома, да?! — выпалила сестричка.

— Да, но скоро... уеду... — закончила я, глядя на погасшую линзу.

Ненси, как всегда, взяла и отключилась! Сиди теперь и думай, зачем ей понадобилось спрашивать, где я?

Перезвон дверного колокольчика заставил торопливо сунуть линзу в карман и направиться к двери.

Ненси? А зачем вызывала по линзе, если стоит на крыльце?

Оставив чемодан у шкафа для верхней одежды, я распахнула дверь.

По ту сторону была не сестра. Парень в подбитом мехом пальто с надвинутым капюшоном. Стянув его, гость улыбнулся «моей» улыбкой. Из-под каштановой, как у меня, челки глянули такие же, как у меня, голубые глаза...

Глава 4

— Солнца и теней тебе. — Брат, деловито стряхивая с пальто снег, шагнул через порог.

Дверь осталась открытой: неподалеку от крыльца виднелись теневики. Здоровяк Вард подпирал фонарь, у его ног лежали рюкзаки. Змей, Юрг и Кристоф о чем-то говорили с водителем мобила, у которого сидели целых пять энфилдов! Видимо, на нем приехал Бернارد. И, судя по количеству элементарей, ради разговора со мной он выложил кругленькую сумму. Чем больше энфилдов сольются с артефактом

в мобиле, тем быстрее он едет. Правда, все равно не так стремительно, как верхом на лисе. Но братик любит комфорт.

— Надо поговорить, Тишка. — Бернард оставил пальто в покое.

Я подошла к шкафу, сунула перчатки в карман накидки и вытащила ее.

— У тебя четыре минуты, Берни, потом я уйду.

Брат скривился: один — один. Мне не нравится имя «Тишка», — прямо как мартышка! — но Бернард регулярно меня так называет. А я не люблю быть в долгу. У его имени тоже есть варианты, которые заставляют братца морщиться.

— Думаешь, если сбежишь, проблема будет решена? — Бернард подошел вплотную, голубые глаза раздраженно блестели, в каштановых волосах искрились снежинки.

— Я не сбегаяю, а перевожусь. И да, хочу решить свою проблему. — Я застегнула пуговицы на накидке, подцепила чемодан за ручку.

Брат заступил дорогу.

— Мелкая, это не поможет.

— Откуда ты знаешь? Вы же даже не пытались, — поморщилась я, обходя Бернарда.

— Все проверено до нас, в этом нет смысла, — отзеркалил мою гримасу брат, схватил за плечо и развернул к себе лицом. — Послушай, просто смирись. Все будет хорошо.

Но явно не у меня!

За спиной раздалось сердитое покашливание.

— Девушку отпустил, — процедил Змей, огибая меня и перехватывая руку Бернарда.

— Не твое дело, — отозвался братец. — Она моя сестра.

— Уже понял. — Стейн с едва заметной усмешкой медленно отвел его руку в сторону.

Брат был всего на полголовы ниже теневика и куда шире в плечах, но не мог ничего сделать.

Я положила ладонь на сцепленные руки парней, пытаясь их разъединить.

— Хватит!

— Вечно тебе все спускают! — неожиданно зло выдал Бернард. — Все, мелкая, конец твоей свободе! И никуда ты не денешься! Наконец-то все прекратят носиться с тобой!

Слова ударили сильнее пощечины: столько ярости и скрытой радости прозвучало в них, что я, ошарашенно глядя на Бернарда, не знала, что сказать.

— Подобрал себя и вышел, — едва слышно выдохнул Змей. — Иначе я тебя выйду отсюда, причем не факт, что целиком. А Мартина вряд ли будет в восторге от этого. Ты же ее братец.

Брат отдернул руку и скривился. Потом нахмурился, в голубых глазах промелькнуло непонятное недоумение. И Бернард, толкнув плечом Юргена, за время нашего разговора оказавшегося на крыльце, вылетел на улицу.

— Надо бы догнать, — задумчиво сказал ему вслед Змей и мотнул головой.

— Это приказ? — азартно уточнил Юрген, следя за тем, как Бернард ругается с водителем, а потом грузится в мобиль.

В переднюю часть железного коня нырнул... один энфилд. Остальные четыре, освобожденные от связи с артефактом, сидели рядом с Кристофом и Вардом.

— Нет, не приказ, — ответил Юргену Змей.

Отнял у меня руку и потер пальцами лоб. Темно-русые брови сошлись на переносице.

— Я сам разберусь.

Юрг с сожалением проследил за отъезжающим мобилем.

В голове звучали слова брата: «конец свободе», «никуда ты не денешься», «прекратят носиться с тобой». Я-то думала, что меня не замечают. Что я лишняя. А оказывается, Бернард мне... завидует? Мне?

В кармане зажужжала линза. Вытащив ее, я увидела личико сестры. Едва нажала, как Ненси выпалила:

— Я тут! То есть у дома! В общем, я тебя вижу. Ты выходишь, да? — И отключилась.

— Мартиша! — Радостный голосок сестры прозвучал у крыльца.

Спустя миг облако белоснежного меха и светло-рыжих волос налетело на меня.

— Ты правда перевелась к боевым магам? — Выпустив меня из объятий, сестра стиснула мои ладони холодными пальцами.

— Правда.

— Поторопись, мы отправляемся. — Змей понимающе улыбнулся, отобрал у меня чемодан и вышел на крыльцо.

Ненси лукаво покосилась на него, хитро глянула на меня и оттащила клестнице.

— Симпатичный!

Кто о чем, а она парнях!

— Не рано тебе на парней заглядываться? — подколола я сестричку.

— Мне как раз, а вот тебе скоро будет поздно, да, старшая сестра? — рассмеялась Ненси.

Старшая, но не настолько. Всего на два года.

— Ты правильно делаешь! — неожиданно громким шепотом выпалила сестричка, тиская мои руки пальцами.

— Эм... Что именно делаю? — не поняла я.

— С отцом не соглашаешься, — ответила Ненси.

Неожиданно!

— Нельзя так... — пояснила она. — Дом и все остальное... Неправильно это все. Ты же не виновата, чтобы тебя под арест сажать. Папа преувеличивает! Что плохого в правде?

— Я тоже так сказала. — Но запись в кристалле утверждала обратное.

— Я вот всегда правду говорю! — просияла сестра, отпустила мою руку и хлопнула себя по лбу: — Забыла!

Она стянула с плеча небольшой светло-коричневый рюкзак, тот самый, что я видела, когда она связывалась со мной первый раз.

— Это тебе! На удачу! — Она вручила его мне и хитро добавила: — Ты же до сих пор хранишь того мишку?

Ничего я не храню! А плюшевый медведь всего лишь лежит в моих вещах. Просто так. Как напоминание о детстве, когда я не замечала, что родители ведут с нами себя по-разному. К слову, в институт теневики я его не взяла. Забыла. Слишком резко на голову свалилась программа обмена. Может, это знак? Не нужно цепляться за прошлое?

— Тут энфилд, плюшевый, маленький, тепленький, почти как живой! — прошептала Ненси, сжимая мои пальцы ладонями и заставляя стиснуть ремень рюкзака. — Пусть будет с тобой. Я ведь не могу поехать: нас с мамой и отцом пригласили на три приема. Но потом обязательно приеду! Папа обещал на сезон балов снять дом в столице!

Одни домики. Мне в уединении. Остальным в столице. В столице! Похоже, дела отца не просто идут в гору, как было всегда, а летят!

— Ой, тебе пора? — Ненси, вытянув шею, выглянула в открытую дверь.

Теневики сидели на спинах энфилдов. Лисы пофыркивали. Судя по нетерпению в глазах парней, ждали только меня.

— Ты вызывай меня по линзе, ладно? Если тебе что-то надо, тоже. Папа, конечно, все чеки проверяет, но я что-нибудь придумаю... Удачи! — Ненси обняла меня и накинула ремень рюкзака на шею, звонко расцеловав в обе щеки. И с присущей только ей непосредственностью спросила: — А твоя домоправительница далеко? Мне бы мобиль вызвать, а то я свой отпустила. Не надо было, но я так спешила, а он в луже колесом застрял, а я боялась, что ты уйдешь куда-нибудь... Госпожа Бевис! Я сестра Мартины, можно вас попросить об одолжении?!

— Нужно! — донеслось со второго этажа.

— Иди, не люблю провожать! — Ненси шмыгнула носом и понеслась вверх по ступенькам.

Спустя минуту со второго этажа донеслось:

— Госпожа Бевис? Как я рада познакомиться! Ой! Простите! Не так. Добрый вечер, госпожа Бевис!

— Ой, — хмыкнула я, набрасывая ремень рюкзака на плечо. Потом посмотрю, что там за чудо-игрушку принесла сестра.

Накинув капюшон, я вышла в пахнущую смолистыми почками и снегом ночь.

Мой чемодан обнаружился у созданного из магии теней седла на спине энфилда Змея. Значит, мне ехать тоже с ним.

Увидев меня, Стейн покрутил указательным пальцем в воздухе, словно пытался изобразить летящее семечко ясеня.

Юрг и Вард прищипорили пятками энфилдов, и элементы понеслись по заснеженной улице. Кристоф не торопился за ними.

— Что за солнышко там тебя обнимало, а, лапушка? — косясь на дверь, спросил он.

— Сестра, — сухо отрезала я.

Парень забавный, шепутной. Но как сестра Ненси я бы не хотела видеть с ней рядом такого лапушно-солнечного индивида.

— Понял. — Кристоф развел руками, и его элементаль радостно фыркнул и понесся за остальными.

Змей протянул руку, ловко усадил меня перед собой. Бокком. Я нерешительно обняла его рукой за шею. Ладонь коснулась кожи между воротником пальто и волосами. Мне стало жарко, потом холодно...

Попробовала убрать руку. Но либо было неудобно, либо я все равно, так или иначе, касалась горячей кожи парня. Вот почему у него воротник не стойка! Вдруг кто решит держать Стейна за шею?

Ой, как говорит сестричка, что-то я не то думаю!

Змей присвистнул, и наш энфилд бросился догонять товарищей.

Нервный ход зверя примирил меня с тем, что под моими пальцами чужая шея. Отпущу — улечу напрямиком в подтаявшие сугробы или, хуже того, в лужу. По ним я сегодня налазилась, спасибо!

Замелькали витрины, фонари, полуночные прохожие, недовольно идущие по лужам среди островков снега. На улице потеплело.

— Надо бы вызвать твоего братца на дуэль, — пробормотал Стейн.

Какая дуэль? О чем он?

— Не надо дуэлей! Он просто хотел убедить меня согласиться с отцом... — Я поперхнулась пламенной речью.

Змей молчал.

— Эй? Ты чего? — тихо спросила я.

— Я не собирался тебе говорить.

— О дуэли?

— Да.

Проклятие! Совсем о нем забыла. А оно обо мне — нет. И еще: я, тени побери мать императора, жена! А оно усиливается, даже при обручении! Или Змей случайно проговорился и проклятие тут ни при чем?

Не отрывая ладони от его шеи и стараясь не краснеть, я тихо уточнила:

— То есть ты не станешь вызывать Бернарда на дуэль?

— Хочу. Но не стану. Вряд ли он владеет мечом. А дуэль на кулаках — это простой мордобой, до магического поединка он у тебя еще не дорос, — предельно четко и откровенно ответил Стейн.

— Бернард не маг.

— Ну вот, — согласился он и мотнул головой: — Похоже, когда мы с тобой летали по стадиону, не только Юрга куском пирамиды приложило. Так и тянет правду сказать!

Это его не доской, а мной приложило! И как мне теперь держаться? Упаду ведь. А если Змей будет всю дорогу вещать правду и только правду, точно догадается, с чего вдруг его на откровения потянуло.

Но ведь потянуло его раньше... и брата тоже потянуло... И началось это, когда я положила ладонь на их пальцы. То есть мне нельзя касаться других? В смысле, без перчаток?